

- внесенных Законами РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.
5. Жилиев Р. М., Первозванский В. Б., Медведева И. Н. О некоторых проблемах избрания судами меры пресечения в виде домашнего ареста и путях их решения // Российская юстиция. 2013. № 11. С. 49–52.
6. Федеральный закон от 18.04.2018 № 72-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2011. 9 дек.
8. Постановление Правительства Российской Федерации от 18.02.2013 № 134 «О порядке применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля, которые могут использоваться в целях осуществления контроля за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением им наложенных судом запретов и (или) ограничений» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 8. Ст. 838.
9. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19.12.2013 № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» // СПС «КонсультантПлюс».
10. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 03.12.2015 // СПС «КонсультантПлюс».
11. Порядок осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением ими наложенных судом запретов и (или) ограничений: утв. приказами Министерства юстиции Российской Федерации № 26, Министерства внутренних дел Российской Федерации № 67, Следственного комитета Российской Федерации № 13, Федеральной службы безопасности № 105 от 11.02.2016 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201603250019> (дата обращения: 15.05.2018).
12. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
13. Важный инструмент следователя: почему не пустеют СИЗО [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://pravo.ru/story/214521> (дата обращения: 15.05.2018).

СУБЪЕКТ ПРАВА В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

И. А. Подолинский,
студент ИГиП ТюмГУ,
направление «Юриспруденция»,
Ииа.podolinsky@mail.ru
Научный руководитель:
А. С. Григорьев,
доцент кафедры теории государства и права
и международного права ИГиП ТюмГУ,
кандидат юридических наук, доцент,
a-grigorev@list.ru

В современных реалиях, безусловно, есть все основания полагать, что проблема влияния цифровизации на отдельно взятого человека, общество и государство действительно актуальна как никогда ранее. Цифровые технологии с маниакальной скоростью проникают в необъятные просторы нашей жизни. Ни для кого не секрет, что многие процессы сегодня оптимизируются благодаря внедрению цифровизации; абсолютно всё, что идет в ногу со временем, вынуждено трансформировать себя и черпать как можно больше передовых технологий. И, как следствие, всё это порождает новые правоотношения, новые правовые механизмы воздействия, новое представление о субъектах этих правоотношений, новые лазейки в законе, не поддающиеся регу-

лированию. Задача права, казалось бы, довольно простая: так же, как и технологии, идти в ногу со временем, гармонично подстраиваться под веяния технологических прорывов, но, на самом деле, с приходом эпохи цифровизации перед механизмом правового регулирования встала очень большая проблема, в частности, определения сущности новых субъектов права.

Казалось бы, довольно прочно сформировавшаяся классическая теория права выстоит под натиском любых тенденций, ответит на самые разные вопросы о регулировании правом общественных отношений, но с появлением интернет-технологий и всё большим внедрением их в социум возникает всё больше вопросов касательно эффективности права в интернет-пространстве.

Поскольку основными участниками правоотношений являются субъекты права, под которыми традиционно понимаются лица и организации, за которыми государство признаёт способность быть носителями субъективных прав и юридических обязанностей [1], заострять особое внимание в правоотношениях следовало бы именно на них.

В чем же, собственно, интернет-среда переворачивает с ног на голову правовое регулирование? Дело в том, что на сегодняшний день существует множество возможностей потерять свою идентификацию в интернете. Многие из современных публицистов, борцов за свободу и прочих деятелей интернета скандируют о том, как же нам необходима тайна переписок, перемещений, взаимодействия в глобальной сети Интернет. В виртуальном пространстве субъект часто прячется за так называемой виртуальной личностью или цифровым образом [2]. Даже для среднестатистического школьника скрыть IP-адрес сегодня не представляется какой-то сложной задачей. Когда речь заходит о дешифровании отдельных IP-адресов, раскрытии анонимности в интересах безопасности, чрезмерно свободолюбивые граждане испускаются в неистовом возмущении к правоохранительным органам, обвиняя их в забвении прав и свобод человека.

Существует мнение, что возросшие возможности анонимности слабо влияют на заключение сделок и других торговых операций, и некоторые ученые облегченно переводят дух, думая, что коммерческие интересы будут реализовывать только конкретные, строго персонализированные лица. Но, как показывает практика, новые технологии шифрования, в частности блокчейн, предполагающая идентификацию только по персональному номеру каждого пользователя, набирают широкие обороты в финансовых операциях, т. е. транзакции между пользователями этой технологии строго зашифрованы и хранятся на компьютерах всех пользователей интернета в виде специального кода. И напрашивается очевидный вопрос: каким образом государству отследить какую-либо сделку? Как оспорить нарушенные права субъектов? Ведь создатели этой технологии не являются привычными для нашего понимания юридическими лицами, которые централизованно управляют и контролируют все процессы. Блокчейн устроен очень сложно с точки зрения права, поскольку он запущен в Глобальной сети и функционирует по строго зашифрованным алгоритмам без участия их создателей. Безусловно, они могут модифицировать алгоритмы работы, но механизм, запущенный ими, способен функционировать без их участия. При таком раскладе кто будет нести ответственность за убытки, причиненные сбоем работы данной технологии? Что если создатели будут злоупотреблять своими инструментами воздействия? Как реализовывать оперативно-розыскные мероприятия в условиях полного шифрования транзакций? Однозначно, с приходом такой цифровой революции вопросов возникает в разы больше, чем ответов. Справедливости ради заметим, что субъекты отношений, участвующие внутри этой цифровой системы, пользуются ей на полном доверии и без точных гарантий ее информационной безопасности, т. е. поддержки от государства они и не ждут, вступая в эти отношения.

Если опираться на вышеприведенное определение субъекта права, можно говорить о том, что субъекты, участвующие в зашифрованных и анонимных операциях, не подпадают под правовое регулирование. По утверждению М. Н. Марченко, «не природа, не общество, а только государство в действительности определяет, кто и при каких условиях может быть субъектом права, а следовательно, и участником правоотношений, какими качествами он должен обладать» [3]. Таким образом, юридические свойства, присущие субъектам в случае полной анонимности, отпадают и лицо теряет привычную для нас связь с государством.

Бытует мнение, что чем больше такая система будет надежна от взлома со стороны хакерских атак, тем скорее прогрессивный контингент нашего общества перетянет за собой в эту систему финансовых операций всё человечество. В таком случае, представляется обреченность права, поскольку отпадет потребность решать финансовые споры, налогообложение сделок станет нереализуемым в принципе, взыскивать убытки также представляется затруднительным. Эта технология позволяет выстроить такие доверительные отношения, при которых практически невозможно обмануть вторую сторону сделки, а где нет спора и какой-либо правовой процедуры, там не будет и права.

Следует обратить внимание и на то, как государство трансформирует право в условиях цифровой революции. В этом аспекте государство пытается найти баланс между технологическими новшествами и правовым регулированием. К примеру, при электронном обращении в государственные органы от субъектов требуют достоверно предоставлять персональные данные; правоотношения, которые выстраиваются таким образом, предполагают официализацию, в отличие от блокчейн-системы, тем самым действуя в рамках правового поля.

Нельзя не заметить, как государство поощряет развитие цифровизации посредством предоставления новых правовых возможностей. К примеру, отправляя заявку на получение загранпаспорта через интернет-портал вместо похода в органы исполнительной власти, мы экономим чуть ли не половину стоимости оформления такого паспорта. Наглядный пример того, как государство оптимизирует процесс своей работы и тем самым дает возможность субъектам права приспосабливаться к цифровизации правоотношений.

Если затрагивать таких субъектов права, как государственные служащие, то здесь также можно проследить взаимосвязь цифровизации и развития норм права. С недавних пор, в соответствии с Федеральным законом от 30 июня 2016 года № 224-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О государственной гражданской службе Российской Федерации” и Федеральный закон “О муниципальной службе в Российской Федерации”», закрепилось, что государственные служащие не могут свободно распространять информацию от своего имени. Норма предполагает, что гражданские служащие и граждане, претендующие на замещение должностей гражданской службы, представляют работодателю, т. е. государству в лице какого-либо органа или учреждения, данные об адресах сайтов и страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, на которых гражданин, претендующий на замещение должности гражданской службы, или гражданский служащий размещали общедоступную информацию, а также данные, позволяющие их идентифицировать [4]. Речь идет о публичных комментариях, высказываниях в социальных сетях, на форумах, видеохостингах и т. д. В данном примере отчетливо видно, как право дотянулось до цифровой жизни должностных лиц, представляющих интересы государства, которые ни в коей мере не должны запятнать престиж государственной власти.

Особое внимание заслуживает многоликость субъектов в интернете. На многих интернет-сайтах одно и то же лицо может зарегистрировать несколько аккаунтов, предполагающих возможность создания своей дополнительной страницы в интернете, либо, создавая новую страницу, представить чужие персональные данные и использовать их с какой-либо целью. Создание таких аккаунтов не требует строгой официализации, как государственные структуры, при взаимодействии с ними, поэтому возможно создать абсолютно любую страницу в интернете с любыми данными. Злоумышленники, использующие такие возможности, нередко вступают в какие-либо правоотношения, предоставляя чужие персональные данные. И тут возникает вполне логичный вопрос: как второй стороне, участвующей в правоотношениях со злоумышленником, понять, что он в действительности не тот субъект, за которого себя выдает? Очевидно, что ответственность за действия, которые совершаются с такого аккаунта, должен нести тот, кто их и совершает, вне зависимости от того, чьи персональные данные идентифицируют страницу в интернете. Но чаще всего, если подобной многоликостью занимаются профессиональные преступные группы и структуры с какой-либо определенной целью, поймать их представляется довольно сложной задачей. Как бы нам ни хотелось, но на сегодняшний день нечестивые

граждане научились «шифроваться» настолько хорошо, что правоохранительным органам зачастую неподвластно узнать секреты их шифровки и анонимности.

Если предположить, что такую многоликость используют в иностранном государстве с целью мошенничества в отношении граждан Российской Федерации, используя различные сетевые соединения поверх других сетей, то обнаружить их IP-адреса чаще всего не представляется возможным. Зачастую в таких случаях государства сотрудничают между собой и содействуют поимке преступников, но далеко не всегда удается найти ключ для расшифровки их анонимности. Поэтому, пока государство отстает в цифровом развитии от каких-либо отдельных субъектов цифровизации, мы будем всё больше подвержены опасностям, которые приготовила нам эта новая эпоха.

Внимание правоведов последнее время привлекает проблема длительности цифровой жизни субъектов права. Если в доцифровую эпоху после биологической смерти человек продолжал жизнь в каких-либо социально значимых произведениях науки, литературы, искусства, то сегодня с учетом необъятных масштабов интернета могут сохраниться данные о каждом из нас. Даже если та деятельность, которой занимается субъект, не поддерживается, не признаётся важной обществом, всё равно те следы, которые он оставил в интернете, могут сохраниться в первоизданном виде спустя несколько десятков лет, будь это видеохостинги, социальные сети, интернет-форумы, приложения и т. д.

Учитывая индивидуальность каждого субъекта в нашем обществе, нужно справедливо признать, что не все люди хотят оставить после себя какой-либо цифровой след. Из такого суждения совсем недавно в некоторых странах, в том числе и в России, закрепилось право на забвение [5]. И, как следствие, науке предстояло разработать такое понятие, как цифровая смерть. Оно предусмотрено французским Законом о цифровой республике (государстве) от 7 октября 2016 года. Предполагается, что лицу, которому по наследству передается персональная информация, предоставляется право на реализацию воли умершего субъекта по поводу дальнейшей судьбы его персональной информации, опубликованной на онлайн-ресурсах. Таким образом, права субъекта, благодаря приспособлению юридических норм к цифровой действительности, посредством интернета продляются после его смерти.

Допуская, что происходит продление прав, которыми обладает субъект правоотношений, одновременно необходимо продлить и обязанности, поскольку субъект права по своей юридической природе наделен не только правами, но и обязанностями. То есть бремя ответственности и обязательств будет брать на себя доверенное лицо, которому была предоставлена возможность продлить цифровую жизнь другого субъекта.

Если рассматривать внедрение юридических лиц в процессы цифровизации, то можно обнаружить, что их мотивация в значительной степени выше, чем у всех остальных. Сегодня, если им не оптимизировать свою деятельность посредством возможностей интернета, вероятнее всего, рыночная среда безжалостно поглотит их. В современных условиях цифровизация для юридических лиц является просто-напросто жизненно необходимым механизмом. И исходя из этого, на наш взгляд, юридические лица, как субъекты права, способствуют развитию правовых механизмов в цифровой среде, поскольку чем больше отношений возникает у различных корпораций, объединений, кооперативов, товариществ как в результате осуществления своей деятельности внутри организации, так и в результате взаимодействия с другими участниками общественных отношений, тем больше растет заинтересованность государства подвести под свое регулирование все процессы цифровизации посредством правовых норм.

Другой проблемный вопрос возникает в связи с развитием искусственного интеллекта. Ряд авторов, изучающих проблемы права и цифровизации, склоняются к тому, что роботов вполне обоснованно можно относить к новым субъектам правоотношений в цифровой среде. Утверждается даже, что робот — это «новая «цифровая личность», новый субъект права наряду с человеком» [6]. Но тогда каким образом решать вопрос об ответственности данного субъекта? Кто будет в ответе за действия робота: собственник, пользователь или разработчик? Если таких субъектов наделить полной или частичной дееспособностью, то, принимая во внимание, что уровень их запрограммированных алгоритмов отличается, как нам, вступая в правоотношения, отли-

чить работа, способного управлять своими действиями в конкретной ситуации, от неспособного? Очевидно, что данная проблема должна стоять на повестке современной юридической науки.

Подводя итог вышесказанному, следует особо подчеркнуть, что в современных условиях, реализуя нормотворческую деятельность, игнорировать цифровой прогресс абсолютно точно нельзя. На сегодняшний день мы видим позитивные тенденции стимулирования государством цифровых правоотношений. Но всё же чем дальше протягивается струна высокотехнологичных достижений, тем сложнее правовым нормам внедряться в действительность. Теория права должна учитывать особенности появления и существования новых субъектов в обществе, пересматривать устоявшиеся подходы к юридическим дефинициям и, чтобы оптимизировать все свои правовые механизмы, активно использовать достижения цифровой эпохи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Марченко М. Н., Дерябина Е. М. Теория государства и права: учебник для бакалавров. М.: Проспект, 2017. С. 239.
2. Талапина Э. В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. 2018. № 2 (254). С. 8 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-i-tsifrovizatsiya-novye-vyzovy-i-perspektivy> (дата обращения: 16.03.2020).
3. Марченко М. Н., Дерябина Е. М. Теория государства и права: учебник для бакалавров. М.: Проспект, 2017. С. 240.
4. Архипов В. В., Наумов В. Б., Пчелинцев Г. А., Чирко Я. А. Открытая концепция регулирования Интернета вещей // Информационное право. 2016. № 2. С. 18–25.
5. Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1 (253). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-v-usloviyah-tsifrovoy-realnosti> (дата обращения: 16.03.2020).
6. Талапина Э. В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. 2018. № 2 (254). С. 9 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-i-tsifrovizatsiya-novye-vyzovy-i-perspektivy> (дата обращения: 16.03.2020).

НЕКОТОРЫЕ БАРЬЕРЫ ДЛЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

А. В. Попова,
студентка ИГиП ТюмГУ,
направление «Юриспруденция»,
gir11009@ Rambler.ru
Научный руководитель:
А. А. Чукреев,
доцент кафедры трудового
права и предпринимательства
ИГиП ТюмГУ,
кандидат юридических наук, доцент,
a.a.chukreev@utmn.ru

Профессия юриста является одной из самых желаемых среди абитуриентов всех регионов Российской Федерации. За последние 25 лет количество учебных заведений, обучающих по специальности «Юриспруденция», увеличивалось в геометрической прогрессии. Правда, при этом не все вузы обучали одинаково хорошо и было выпущено огромное количество юристов, далеко не все из которых смогли устроиться по своей специальности в силу недостаточного качества полученного юридического образования и ограниченного спроса на специалистов такой квалификации на рынке труда. Следовательно, проблема качества подготовки юристов стоит достаточно остро.

Цифровизация экономики еще больше обострила эту проблему. Цифровая среда диктует совершенно новые подходы к высшему образованию в целом, и в том числе к юридическому образованию. Поэтому иссле-